

ОДНАЖДЫ выходя из театра, я услышала чей-то разговор: «У меня такое чувство, что Бортников родился, рос, жил все время на сцене. Ни на минуту не могу представить его вне театра».

Эта фраза определила первый вопрос интервью.

— Геннадий Леонидович, как вы стали актером?

Г. Л.: В нашей семье никто прямого отношения к искусству не имел. Отец и брат — летчики, мама — домохозяйка. А я еще года в четыре решил, что буду художником. Очень любил рисовать. Но когда пришло время выбирать (мне было 13 лет), то самостоятельно это сделать я не решился. И выслушав массу советов, сдал документы в Московский машиностроительный техникум. Уже на втором курсе, вычерчивая какую-то схему, я вдруг понял, что занял не свое место. Бросил учение, стал работать слесарем-инструментальщиком на ГПЗ-1 (Государственный подшипниковый завод). На одном из концертов художественной самодеятельности мне поручили прочитать юмористический рассказ. После этого мое раннее решение — только в художественное училище! — дополнилось, как мне тогда казалось, несбыточной мечтой — играть на сцене. Я еще учился в школе рабочей молодежи. Это обстоятельство побудило меня «безнадежно» (все равно ведь не примут без 10 классов) поработать, выдержав конкурс в Школу-студию МХАТ. Но меня приняли, и школьные экзамены я сдавал экстерном.

— Кого вы считаете своими учителями?

Г. Л.: Мне повезло. Все основы сценического искусства я осваивал у таких мастеров, как Кедров, Тарасова, Комиссаров, Блинные. Но настоящая, практическая школа — это для меня театр им. Моссовета, работа с Завадским, Анисимовой-Вульф.

— То, что мы видели на гастролях из ваших работ, — это образы надломленных, даже уцербных людей. Есть ли у вас другие герои?

Г. Л.: Нет. И вряд ли будут. Я не стремлюсь проявлять себя в разных планах. У меня своя тема. Мой актерский идеал — Михаил Чехов, Эдит Пиаф, Николай Симонов. Я пытаюсь делать

также зонгами и клоунадой. Но я играл клоуна, клоуна в моем представлении, я думал над тем, что хотел сказать Белль десятилетие назад, и я пытался сказать то же самое и на языке своего

да. Идти прежде всего от себя — это школа МХАТа, и я рад, что усвоил ее.

— А у вас был период, когда стоило труда не повторять кого-то?

Г. Л.: Наверное, но я это слабо чувствовал, даже не помню. Большую роль сыграло мое раннее увлечение тем, что обычно приходит позже: вырабатывал в себе чувство пространства ритма, но не для сцены, а для того, чтобы стать хорошим художником, понимать музыку. Когда стал учиться «лицедейству», у меня уже были свои взгляды, оставалось только приложить их к сцене.

— Что для вас талант: «дар божий», нантие или то, что рождается долгим трудом?

Г. Л.: Природное качество — несомненно. Но осознание таланта, освоение, что ли, приносит только работа, изнурительная, требующая отдачи всех сил.

— Как вы переносите невероятные нагрузки в спектаклях по Беллю и Достоевскому?

Г. Л.: У нас в театре одно время работал научно-исследовательский кабинет. Врачи сравнивали деятельность организма до, во время и по окончании спектакля. Оказывается, Раскольников стоит пяти любых других ролей. Но на мне это сказывается после того, как все кончится. На сцене я азартен, а в жизни — меланхолик.

— Как для вас проходит процесс рождения образа?

Г. Л.: Живое, человеческое обличье своего героя я всегда ищу в подтексте. Сначала я выстраиваю внешний облик, изобретаю его в пространстве, нахожу его привычки, обживаю их, а уже потом учусь говорить слова.

— Чем вы занимаетесь сразу после спектакля?

Г. Л.: Я не могу оставаться один. Мне нужны люди, разговор на любую, лучше постороннюю театру, тему. Общение — это мой отдых.

Интервью вел
В. ФИЛИППОВА.

На снимке: Г. Бортников в роли Раскольникова.

Фото Н. Соничевой.

«У МЕНЯ СВОЯ ТЕМА...»

В ГОСТЯХ У МУЗ

Заслуженного артиста РСФСР Геннадия Бортникова новосибирцы видели в четырех спектаклях театра им. Моссовета: «Петербургские свидания» (Раскольников), «Глазами клоуна» (Ганс Шнир), «Последняя жертва» (Дульчина), «Поющие песни» (Говоруха-Отрон). И каждый раз в конце действия зрители подходили к подмосткам, аплодируя, бросая цветы, долго стояли, полные благодарности актеру.

то же, что и они: любой драматургический материал пропускать через призму своего ума, сердца, опыта, привязанностей...

— Но лет пять тому назад критика обвиняла вас как раз в стремлении показывать свои разносторонние способности во что бы то ни стало. Я имею в виду статью Василлиной «Ганс Шнир Белля и Бортникова».

Г. Л.: Да, я помню, писали, что я увлекаюсь в спек-

поколения. Ганс Шнир у Белля только говорил: «Вот возьму сейчас гитару и запою». А сегодняшний Ганс так и делает, поверьте. Поэтому так сделал и я. Да вот пример: Островский. При всем уважении к нему я не могу играть страдания Дульчина. Зачем мне, современному человеку, переживать его трагедию и заставлять зрителя делать то же? Я смотрю на своего героя со стороны, с высоты 1974 го-